

Бай Чжици вошёл в дом, принеся с собой ночной холод.

Едва переступив порог, он заметил на диване в гостиной чёрный силуэт и вздрогнул. А потом понял, кто это, прижал ладонь к груди и воскликнул:

— А-И? Ты... почему ты так поздно всё ещё сидишь здесь?

Чу И не ответил на вопрос, а сразу заговорил. Эмоции, которые он подавлял весь вечер, сделали голос тяжёлым.

— Почему ты так поздно? Я тебе звонил, а ты не отвечал.

Бай Чжици застыл. Похоже, он никогда не думал, что Чу И способен говорить с ним таким тоном.

Он медленно переобулся, понизил голос, и в нём прозвучала едва заметная обида:

— Я... разве вчера не говорил? Мы с друзьями собирались на концерт, поэтому могли задержаться.

Чу И задумался и смутно припомнил: вроде действительно что-то такое было.

Увидев осторожное выражение лица Бай Чжици, он смягчился.

— ...Прости, я забыл. Но ты всё равно должен был ответить. Я... — он замолчал, и голос стал ещё тише, — ...я очень много раз звонил.

Бай Чжици услышал и всем видом показал внезапное понимание.

— А! На концерте я поставил телефон на беззвучный режим, а когда всё закончилось и я вышел, оказалось, что батарея разрядилась и он сам выключился. Поэтому я ничего не заметил.

Чтобы подтвердить слова, он даже поднёс телефон к Чу И и несколько раз нажал кнопку включения.

Чёрный экран никак не отреагировал.

Чу И промолчал.

Бай Чжици увидел его состояние, подошёл ближе и мягкой ладонью погладил Чу И по щеке.

— Милый, что с тобой? Ты сегодня какой-то странный. Случилось что-то неприятное?

Чу И посмотрел в чистые, обеспокоенные глаза Бай Чжици и увидел в них своё отражение — усталое и жалкое.

Он поднял руку, накрыл ладонь Бай Чжици своей. Кожа под пальцами была прохладной.

— ...Чжици.

Лишь через долгое время он с трудом продолжил:

— Похоже, у меня период повышенной чувствительности начался немного раньше.

Это было ложью, но сейчас Чу И требовалось таким образом кое-что доказать...

Услышав намёк, Бай Чжици перестал гладить его по щеке. Он замер, и между ними растеклось молчание.

Через несколько секунд, под взглядом Чу И, Бай Чжици почти незаметно убрал руку.

— Прости, А-И... — забота в его глазах сменилась виноватостью. — Уже так поздно. Я правда очень устал.

От этих слов губы Чу И мгновенно побелели.

И дело было не только в фактическом отказе.

Он снова почувствовал на Бай Чжици ту самую холодную снежную свежесть.

Похоже, запах обработали спреем, поэтому издали Чу И ничего не заметил. Только когда они оказались совсем рядом, он уловил уже почти выветрившийся след.

Но даже этот слабый запах был насквозь пропитан собственническим вызовом.

Уголки губ Чу И опустились.

...Что этот альфа хочет сказать?

Больше не притворяется?

Бай Чжици, похоже, заметил резкий скачок эмоций Чу И. Подумав, он выпустил успокаивающие феромоны.

Мягкий аромат обволок Чу И. Бай Чжици посмотрел на него с покорной слабостью, всем видом уступая.

— Прости. В следующий раз, хорошо? Я действительно очень устал...

Чу И молчал так долго, что Бай Чжици уже едва удерживал выражение лица.

В конце концов он кивнул.

Увидев это, Бай Чжици тут же мягко улыбнулся:

— Тогда я сначала приму душ.

Чу И проводил взглядом его спину, исчезающую за дверью ванной. Выражение лица стало тёмным и непроницаемым.

Они с Бай Чжици уже очень давно не занимались сексом.

Последний раз был полгода назад.

Похоже, либидо у Бай Чжици было слабым. Да и сам Чу И никогда не отличался особой похотливостью, поэтому близость между ними и раньше случалась нечасто.

Но целых полгода — ни разу. Сказать, что Чу И вообще об этом не думал, было бы ложью.

Теперь он сам заговорил, а Бай Чжици ему отказал.

Отказал, неся на себе феромоны другого альфы.

Пальцы Чу И мёртвой хваткой вцепились в ткань пижамы, костяшки побелели.

В груди взорвалась небывалая ярость, смешанная с унижением и болью.

Он не хотел срываться на Бай Чжици, поэтому мог лишь трусливо злиться на проклятого

альфу, который полез к чужой омеге.

Тот уже совсем сел ему на шею. Больше терпеть нельзя!

Как бы там ни было, Чу И должен с ним встретиться.

Встретиться с хозяином этой снежной свежести!

Но реальность всегда норовит сделать наоборот.

Когда у Чу И не было никаких намерений, он постоянно натыкался на снежный запах. Стоило решиться — поймать альфу никак не удавалось.

Квартал красных фонарей. Лапшичная с малатаном, которая работает уже пятнадцать лет.

Чу И и Сунь Мяо сидели друг напротив друга.

В последние дни карьера Чу И стремительно шла вверх, зато охота на человека буксовала.

Бай Чжици внезапно стал образцово тихим и почти не выходил из дома.

Возможности поймать того альфу не было.

Внутри Чу И всё кипело, но выплеснуть раздражение было некуда.

Теперь стоило ему ночью закрыть глаза, как перед ним вставала картина: Бай Чжици переплетается с мужчиной с размытым лицом, а холодная снежная свежесть нагло и вызывающе беснуется в его сне.

Так и до бессонницы довело.

Из-за этого даже малатан перед ним потерял вкус.

— Брат И.

Сидевший напротив Сунь Мяо втянул последнюю порцию стеклянной лапши, посмотрел на мрачное лицо Чу И и в конце концов не выдержал. Понизив голос, начал:

— Насчёт Бай Чжици...

Палочки Чу И с кусочком рубца зависли в воздухе.

Он поднял глаза и тяжело посмотрел на Сунь Мяо.

— Ешь.

От этого взгляда Сунь Мяо втянул шею и вынужден был замолчать.

Но внутренний огонь никак не утихал.

Ему было обидно за брата И!

Весь квартал красных фонарей знал, как тот выворачивал душу перед Бай Чжици.

Брат И дошёл до нынешнего положения. Пусть в квартале он не мог буквально повелевать ветром и дождём, но уж точно жил без особых ограничений. Какие альфы сопоставимого статуса не обнимают левой рукой одного, правой другого и не развлекаются вволю?

И только его брат И словно одержимый: всё сердце отдал Бай Чжици, чего тот ни попросит — всё получает!

И что в итоге?

Даже при таком отношении этот Бай всё равно наставил брату И рога!

Вот же бессовестная тварь!

Возмущение на лице Сунь Мяо было слишком явным. Чу И сразу понял, о чём тот думает.

Но ничего не сказал и молча продолжил есть.

Допив последний глоток бульона, Чу И вытер рот.

Сунь Мяо напротив ещё не закончил. Чу И откинулся на спинку стула и ждал, а в голове беспорядочно перебирал варианты, как вытащить того альфу наружу.

И именно в этот расслабленный момент его взгляд случайно скользнул за окно.

Глаза мгновенно расширились.

По тротуару мелькнула знакомая фигура.

Бай Чжици!

Грохот!

Чу И резко вскочил. Стул отлетел назад и с оглушительным шумом упал.

Он не отрывал взгляда от силуэта за окном, схватил висевшее на спинке пальто и рванул наружу.

— Эй, брат?!

Сунь Мяо, всё ещё увлечённо евший, вздрогнул. Когда поднял голову, Чу И уже исчез, и только брошенное на ходу «ты езжай домой» ещё будто висело в воздухе.

<http://bllate.org/book/19828/1952586>